

Шаояо с обидой произнесла:

— Как это можно доказать? Я просто сказала, что иду в уборную, и никто не мог пойти за мной, верно?

Фан Чжи улыбнулся:

— Естественно.

— Молодой господин, осмелюсь вставить слово, — Шаояо указала на молчаливую кухарку Ли.
— Как вы и предполагаете, я могла притвориться, что иду в уборную, чтобы украсть ожерелье госпожи. Но разве кухарка Ли не могла сделать то же самое под предлогом сбора персиков? Разве она попросила вас уйти с кухни просто из доброты, чтобы вас не закоптил дым? Вы не можете быть предвзятым! Она дала вам личи и лонган, а я разве не давала вам винограда и вишен?

— Девица Шаояо, еду нельзя есть как попало, и слова тоже нельзя говорить бездумно! Молодой господин с детства бывает у нас в доме, и я отношусь к нему с теплотой. Разве то, что я беспокоилась, чтобы его не закоптил дым, делает меня подозреваемой? — Кухарка Ли, услышав это, подняла голову и начала оправдываться. — Кроме того, господин и госпожа всегда хорошо ко мне относились. Разве я могу быть настолько бессердечной, чтобы украсть ожерелье госпожи? А ты, девица, без всяких оснований клеветешь на меня, что ты задумала?!

Шаояо холодно усмехнулась:

— Как можно украсть? Да запросто! Всем известно, что ваш сын уже не молод, верно? В вашем доме каждый день не хватает денег, и вы беспокоитесь о том, как собрать приданое для его жены, не так ли? Ваша будущая невестка сказала, что без приданого замуж не пойдет? Ожерелье госпожи стоит не меньше, чем приданое, его хватит, чтобы ваш сын жил год или два!

Кухарка Ли была так ошеломлена словами Шаояо, что не могла вымолвить ни слова, только дрожащей рукой повторяла:

— Как может быть такой человек, который говорит неправду и все переворачивает с ног на голову!

Шаояо, не желая больше тратить слова, прямо заявила:

— Я не крала ожерелье.

Кухарка Ли не осталась в долгу:

— И я тоже не крала!

Линь Шуин, наблюдая за молчаливым сыном, не выдержала и тихо, с нетерпением спросила:

— Сынок, ты справишься?

Фан Чжи, взглянув на руки и подошвы кухарки Ли, а затем на шпильку и мешочек с ароматными травами Шаояо, уже все решил. Он подмигнул Линь Шуин:

— Не волнуйся, мама. Теперь осталось только дождаться, когда дядя принесет шкатулку, чтобы подтвердить мои догадки.

Все ждали и ждали, пока наконец не появился Гу Цзы.

Он осторожно нес шкатулку для украшений, вошел в зал и подошел к Чжу Цзин:

— Это она?

Чжу Цзин внимательно посмотрела и сказала:

— Да, это она.

Гу Цзы вздохнул:

— Понадобилось время, чтобы найти ее. Твои шкатулки действительно очень похожи, я перебрал несколько, прежде чем нашел эту пустую.

Чжу Цзин ответила:

— Да, они все куплены в одной лавке, дизайн примерно одинаковый, только узоры на резьбе немного различаются.

Гу Цзы посмотрел на Фан Чжи:

— И только эта шкатулка снаружи кажется скользкой.

Фан Чжи взял шкатулку из рук Гу Цзы. Это была дорогая шкатулка из персикового дерева, с изысканной резьбой в виде пионов, выглядевших как живые.

Он открыл шкатулку и обнаружил внутри паз, затем провел пальцем по защелке и почувствовал скользкую поверхность. Фан Чжи поднес шкатулку к носу и понюхал:

— Матушка, если эту шкатулку придется выбросить...

Чжу Цзин с удивлением ответила:

— Ничего страшного, конечно, ничего страшного. Шкатулка для украшений — это просто вещь, можно купить новую в лавке.

Фан Чжи улыбнулся:

— Хорошо. Тогда будьте так добры, принесите мне миску муки, чем мельче, тем лучше.

Матушка Ся сама пошла на кухню и принесла миску мелкой муки, которую передала Фан Чжи. Он аккуратно поставил шкатулку на стол, взял щепотку муки и тщательно насыпал ею шкатулку. Персиковое дерево постепенно покрылось белой мукой. Фан Чжи насыпал всю муку, затем снова взял щепотку и продолжил насыпать шкатулку.

Когда Фан Чжи наконец закончил насыпать шкатулку внутри и снаружи, он одним дуновением сдул всю муку.

Все присутствующие онемели.

Чжу Цзин не выдержала и спросила:

— А Чжи, что ты делаешь?

Фан Чжи поднял шкатулку и показал ее четверем старшим. Все подошли ближе, чтобы рассмотреть, и ясно увидели белый отпечаток руки на внешней стороне шкатулки.

— Матушка, вы говорили о «скользком ощущении», когда касались шкатулки. На самом деле это был кухонный жир. Я также явно почувствовал запах жира на поверхности шкатулки. А мука, попадая на жир, оставляет четкий отпечаток, который трудно сдуть, — Фан Чжи указал на белый отпечаток руки. — Теперь улики очевидны: ясно виден отпечаток руки. Итак, чей это отпечаток? Кто мог контактировать с кухонным жиром?

Чжу Цзин с удивлением воскликнула:

— Это кухарка Ли!

— Я же говорила! — Шаояо резко указала на кухарку Ли. — Она воспользовалась тем, что молодой господин ушел с кухни, и под предлогом сбора персиков тайно пробралась в комнату госпожи, чтобы украсть шпильку!

Кухарка Ли, растерянная и испуганная, начала кланяться, ее глаза покраснели, и она громко оправдывалась:

— Нет, молодой господин, это не я! Господин, госпожа, вы должны мне поверить, меня оклеветали, меня подставили!

Шаояо закричала:

— Сделала и боится признаться! Кухарка Ли, ты вообще человек? Господин и госпожа относились к тебе с такой добротой, а ты так им отплатила?

Лицо Гу Цзыи стало мрачным. Кухарка Ли проработала в доме Гу почти десять лет, всегда была трудолюбивой и преданной. Супруги Гу, зная о ее трудном положении, часто помогали ей. Но кто бы мог подумать, что под маской преданности скрывался обман.

Матушка Ся вздохнула:

— Раз уж молодой господин нашел подозреваемую...

Фан Чжи резко прервал ее:

— Матушка, я сказал, что подозреваемый — это человек, оставивший отпечаток руки, но я никогда не говорил, что кухарка Ли — это тот, кто украл ожерелье матушки.

Матушка Ся замерла, а Шаояо тут же закричала:

— Молодой господин, что вы имеете в виду? Если не она украла, значит, это я?!

Фан Чжи холодно посмотрел на нее и твердо сказал:

— Именно. Я имею в виду, что ожерелье украла ты.

— Сегодня, когда кухарка Ли давала мне лонган или приносила миску горячего грибного супа, она использовала левую руку, — Фан Чжи посмотрел на дрожащую кухарку Ли. — Тетушка Ли, вы левша, верно?

Лицо Шаояо мгновенно изменилось.

Кухарка Ли, услышав поворот событий, с волнением воскликнула:

— Да, да, я с детства левша!

Фан Чжи кивнул и спросил поваров и кухарок:

— Тетушка Ли — левша, верно?

Повара и кухарки, переполненные чувством справедливости, дружно кивнули:

— Да, мы часто работаем вместе, и это можем подтвердить.

— Ведущая рука — это важно. Большинство людей открывают шкатулку ведущей рукой. Теперь посмотрите внимательно, — Фан Чжи закрыл шкатулку, оставив белый отпечаток руки на виду. — Этот отпечаток — от правой руки.

Шаояо была поражена и с гневом усмехнулась:

— Нелепо! Разве левша не может открыть шкатулку правой рукой? Разве одно только то, что отпечаток правой руки, доказывает, что я украла ожерелье? Молодой господин, вы действительно перегибаете палку!

Фан Чжи усмехнулся:

— Конечно, это не может быть железным доказательством, но это источник моих подозрений.

Шаояо гневно уставилась на Фан Чжи и холодно сказала:

— Тогда, молодой господин, предъявите доказательства!

— В шкатулке матушки есть паз. Она сама говорила, что жемчужное ожерелье, попав в паз, нужно с усилием вытаскивать. Поэтому, если бы кухарка Ли, чьи руки всегда в жиру, украла ожерелье, независимо от того, какой рукой она открыла шкатулку и какой рукой вытащила ожерелье, на защелке снаружи и на пазах внутри остались бы следы жира, — Фан Чжи снова закрыл шкатулку, глядя на белый отпечаток руки. — Но факт в том, что белый отпечаток появился только на внешней стороне шкатулки, а мука на пазах сдулась без следа, поверхность гладкая, без малейшего намека на жир.

Фан Чжи, держа руки за спину, стоял прямо, его изящный зеленый халат свисал, как стройный бамбук. Он слегка наклонился к Шаояо и сказал:

— Это означает, что тот, кто пришел, был с правой рукой, испачканной кухонным жиром, а левая рука была чистой. Шаояо, ты хотела подставить кухарку Ли.

Шаояо покачала головой и с сожалением произнесла:

— Молодой господин, у меня с кухаркой Ли нет никаких обид, зачем мне ее подставлять?